

Виктор Михайлович Чернов

Перед бурей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В43

Виктор Михайлович Чернов
B43 Перед бурей / Виктор Михайлович Чернов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
270 с.

ISBN 978-5-4241-1585-1

Мемуары В.М.Чернова - одного из лидеров партии социал-революционеров, философа и публициста, блестящего оратора, организатора первых печатных изданий, посвященных теме движения народничества, раскрывают широкую панораму политической жизни России конца XIX - начала XX вв.

Оценка событий 1905 г. и революции 1917 г., трактуемая социал-революционером, будет интересна для тех, кто увлекается историей революционного движения России, и познавательна для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4241-1585-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Чернов Виктор Михайлович
Перед бурей

В. М. ЧЕРНОВ

Перед бурей

ВОСПОМИНАНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Б. Николаевского

Глава первая:

Волга, Волга, мать родная. - Детство. - Семья. - "Двухпалатная система"

Глава вторая:

Саратовская гимназия. - Первые кружки. - Толстовство и антитолстовство. В.

А. Балмашев. - М. А. Натаансон

Глава третья:

В Дерпте. - Последние гимназические впечатления. - Опять Саратов: холерные беспорядки. - в Московском университете. - Союзный Совет. - Споры народников с марксистами. - Н. К. Михайловский. - П. Н. Милюков. - Новое "народовольчество". - Организационные планы М. А. Натаансона

Глава четвертая:

Арест. - Зубатов. - Отправка в Петербург. - В Петропавловской крепости. Освобождение. - Родной Камышин

Глава пятая:

В Тамбове. - Земцы. - Старые революционеры. - Работа среди крестьян. Последняя встреча с Н.К.Михайловским. - Отъезд заграницу

Глава шестая:

Заграницей. - Цюрих: первое знакомство с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым. - Закат народовольчества. - Социал-демократы, либералы и народники. - Х. О. Житловский и его Союз Русских Социалистов-Революционеров. С. А. Анский

Глава седьмая:

В Париже. - И. А. Рубанович и Мария Ошанина. - У постели умирающего Лаврова. - Аграрно-Социалистическая Лига. - Л. Э. Шишко. - Ф. В. Волховской. Е. Е. Лазарев

Глава восьмая:

Катерина Брешковская. - Григорий Гершуни. - Гершуни и Зубатов. - Рабочая Партия Политического Освобождения России. - Образование Партии Социалистов-революционеров

Глава девятая:

М. Р. Гоц. - Беседа молодого Гоца с молодым Зубатовым. - Мое первое знакомство с Гоцем. - Гоц - душа заграничной организации П.С.Р. - Арест Гоца и требование русского правительства о его выдаче. - Кампания в пользу его освобождения. - О. С. Минор. - Деятельность Аграрно-Социалистической Лиги. Н. С. Русанов и "Вестник Русской Революции"

Глава десятая:

Боевая организация. - Убийство министра Сипягина и другие террористические акты. - казнь Степана Балмашева. - Арест Гершуни. - Суд над ним и заключение его в Шлиссельбургскую крепость

Глава одиннадцатая:

Азеф во главе Боевой Организации. - Убийство Плеве. - Егор Сazonov, Борис Савинков и Иван Каляев

Глава двенадцатая:

Моя поездка в Германию. - "Грызуны науки" в германских университетах. Абрам Гоц, Николай Авксентьев, Илья Фондаминский, Владимир Зензинов и Дмитрий Гавронский

Глава тринадцатая:

ПСР и Социалистический интернационал. - Амстердамский конгресс Интернационала. - Борьба с.-д-ов против допущения с.-эр-ов в Интернационал. Победа ПСР. - Брешковская и Житловский в Америке. - Приезд М. А. Натаансона. Переговоры о создании "единого фронта всех революционных и оппозиционных партий в России". - Парижская конференция 1904 года

Глава четырнадцатая:

Возвращение "грызунов" в Россию. - Максимализм "бабушки". - Споры об аграрном терроре. - Письмо Гершуни. - 1905 год в эмиграции. - Тяга на родину

Глава пятнадцатая:

В Петербурге. - "Сын Отечества". - Г. И. Шрейдер и С. П. Юрицын. - Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин. - Петербургский Совет Рабочих Депутатов. - Символический жест Г. А. Лопатина

Глава шестнадцатая:

В Петербурге. - Н. Д. Авксентьев и И. И. Фондаминский. - Разногласия в ПСР. Первый съезд партии. - Перводумье. - Наша печать. - А. И. Гуковский. - Смерть Михаила Гоца. - Абрам Гоц в Б. О. - Побег Гершуни. - Азеф и генерал Герасимов. - Партия и Б. О. - Гершуни на съезде в Таммерфорсе. - Гершуни, Азеф и Савинков. - Смерть Гершуни.

Глава семнадцатая:

Конференция ПСР в Лондоне. - Итоги революции 1905-1907 годов. Разоблачение Азефа. - Поездка О. С. Минора в Россию и арест его. - Арест Брешковской и Чайковского. - Шишко и Волховской в годы революции. - Правое течение в ПСР. - Начало "психологического отрыва" Савинкова

Глава восемнадцатая:

Наши взаимоотношения с Польской Социалистической партией (ППС). - Доклад Пилсудского в Париже накануне 1-й мировой войны. - Разрыв ППС с ПСР. - Война. - Раскол в социалистических рядах. - Социал-патриоты, интернационалисты и пораженцы. - Циммервальдская конференция

Глава девятнадцатая:

1917 год. - Через Англию и Швецию в Петроград. - В революционной столице. - Абрам Гоц. - Народ и революция. - "Бабушка", Натаансон, Авксентьев, Минор, И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе

Глава двадцатая:

Третий съезд ПСР. - Резолюция о войне и мире и об отношении к Временно-му Правительству. - Кн. Г. Е. Львов. - Образование коалиционного правительства с участием социалистов. Политические трудности.

Глава двадцать первая:

Разнобой в ПСР. - "Правые", "левые" и "левый центр". - А. Ф. Керенский. Уход кадетских министров и заговор Корнилова. - Демократическое совещание. Октябрь. - Четвертый съезд ПСР. - Откол "левых с.-р-ов". - Всероссийский съезд крестьянских депутатов. - Петроградский совет и Собрание уполномоченных от фабрик и заводов

Глава двадцать вторая:

Учредительное Собрание. - Заговор против народной воли. - Страшная ночь

Глава двадцать третья:

После разгона Учредительного Собрания. - Восстание на Волге. Чехословацкий легион. - Фронт Учредительного Собрания. - Уфимское Совещание и образование Директории. Переезд Директории в Омск и переворот адмирала Колчака. - Второй разгон Учредительного Собрания

Глава двадцать четвертая:

Мой отъезд в Москву. - Наша легализация как политическая провокация. Нелегальная жизнь в Москве. - Приезд Гоца в Москву. - Приезд английской рабочей делегации и собрание печатников. - Нелегальный отъезд из России.

В. М. ЧЕРНОВ

(19 ноября 1873 - 15 апреля 1952)

Среди лиц, сыгравших большую роль в освободительном движении народов России, имя Виктора Михайловича Чернова, недавно скончавшегося изгнаником в Нью-Йорке, займет одно из наиболее заметных мест.

Родом из самарского Заволжья, из крестьян теперешнего Пугачевского района (в годы детства Чернов слушал не мало изустных преданий о временах Пугачева, имя которого жило в народной памяти, окруженное ореолом мученичества за народное дело), Чернов еще на школьной скамье, в конце 1880-х гг., примкнул к революционному движению, с самого начала выбрав для себя место на его народническом фланге, опорным пунктом которого, еще со времен Чернышевского, был Саратов, - город, в гимназии которого молодой Чернов "грыз зубами гранит классических наук".

С юных лет на взгляды Чернова, - как это не раз подчеркивал он сам, сильное влияние оказывал Михайловский, "властитель дум" революционной молодежи 1870-х годов. Отсюда вышла привычка определять Чернова, как "ученика Михайловского". В этом определении многое верного, - но оно недостаточно. Чернов действительно учился у Михайловского, - и на следы влияния последнего, при чтении Чернова приходится наталкиваться очень часто. И всё же определение Чернова, как "ученика Михайловского", и неполно, и неправильно: Чернов "учился" далеко не у одного только Михайловского, - и он вообще был не только чьим-либо "учеником". Мы еще недостаточно отошли от событий последних десятилетий и мы еще очень мало занимались их научным изучением, а потому нам трудно ставить объективные диагнозы, но теперь ясно, что Чернов уже занял свое особое, - и весьма значительное, - место и в истории русского {6} народничества, и в общей истории российской общественно-политической мысли, и в большой истории России XIX-XX веков.

Это место значительно, - и именно поэтому его нелегко определить одной формулой: слишком широк был круг интересов Чернова, - слишком разносторонней была его деятельность. Про Чернова часто говорили, что он "разбрасывается", берется за слишком многое, - и в этом упреке, несомненно, имелася доля правды. Он, действительно, интересовался слишком многим и был, действительно, чисто по-русски расточителен в своих силах, всё стремился изучить, всё соглашался взваливать на свои, действительно, крепкие плечи... Точно и вправду он был убежден, что судьба отпустила ему не одну и даже не две, а целый десяток человеческих жизней, и у него на всё хватит времени! Философ, социолог,

экономист, историк, критик, публицист, знаток литературы и поэзии, и сам немного поэт (его переводы из трудного Верхарна находили высокую оценку у специалистов), немного сатирик (революционный "раешник", который старая "Революционная Россия" печатала особыми листками, в значительной части был заполнен именно его стихами), Чернов любил не только набирать знания, но и синтезировать их, переносить на бумагу. Общее количество написанного им измеряется, несомненно, многими сотнями печатных листов.

Когда в 1917 г. Ф. И. Витязев-Седенко (так трагически погибший позднее в советских тюрьмах) в качестве руководителя центрального издательства партии с.-р., задумал выпускать собрание сочинений Чернова, то ему пришлось для начала наметить что-то около 40 томиков! А это была лишь часть написанного к тому времени Черновым, - и с тех пор прошло уже целых добрых три с половиной десятилетия, в течение которых Чернов тоже немало работал первом...

Но при всем этом обилии и разносторонности его теоретических, политических и литературных интересов, Чернова меньше всего было оснований причислить к категории "книжников" в узком значении этого слова. Книга для него никогда не заменяла жизни, интерес к теории никогда не вытеснял интереса к практике - к повседневным радостям и горестям борьбы, к взлетам и падениям крестьянского и рабочего движения, активным участником которого Чернов никогда не переставал себя ощущать. До седых волос в нем бился пульс {7} молодого романтика-борца, и его тянуло на личное участие в предприятиях, связанных с огромным личным риском, на который другие "теоретики" обычно не шли.

И в 1905-07 г.г., и при большевиках он много колесил по России, - с чужими бумагами, переодетый, порою даже загrimированный. За ним нередко велась настоящая охота. Бывало не раз, что полиция, - сначала царская, затем коммунистическая, - нападала на его след, устраивала засады и облавы, производила повальные осмотры целых кварталов. Особенно напряженной эта "охота за Черновым" стала в 1920г., - после того, как его смелое выступление на митинге, устроенным московскими печатниками в честь делегации английских тредиунионов, вызвало бурю восторгов в лагере свободных людей и привело в бешенство лакеев диктатуры. Десятками хватали людей, на которых падало подозрение в "укрывательстве Чернова". В начале 1921 г. автору этих строк пришлось познакомиться в Бутырках со старым большевиком-политкаторжанином (Воробьев из Кустпрома), который был арестован по делу "о сапогах Чернова": у него нашли бесхозяйные сапоги, относительно которых был донос, что они служили Чернову и были сданы в Кустпром для починки...

Самому Чернову неизменно удавалось от этих облав ускользнуть, - часто в последний момент, когда казалось, что западня уже захлопнулась: один раз он выпрыгнул из окна второго этажа на людную улицу и был укрыт толпой; в другом случае ушел в солдатской шинели, как солдат-фронтовик, унеся к тому же с собою мешок с архивными материалами... помогала и огромная изворотливость, соединенная с никогда не изменявшим присутствием духа, умение найтись в критическую минуту, и счастливая, типично "русацкая" внешность, которая позволяла ему сливаться с толпой, выдавая себя то за крестьянина-середняка, то за мелкого прасола, то за солдата-фронтовика... В итоге за всю долгую жизнь, полную весьма рискованных приключений, Чернов был арестован только один раз: юным

студентом, в Москве в 1894 г.

Но этот элемент большой подвижности в его личной биографии, наряду с разнообразием его теоретических и литературных интересов, с обилием внимания, которое он должен был уделять злободневным политическим вопросам и мелкой {8} партийной полемике, не создает препятствия для определения подлинного места Чернова в большой истории идеально-политических исканий нашего времени. Надо только, для нахождения основных, определяющих линий его деятельности, оторваться от мелких деталей повседневности и с исторической перспективы бросить взгляд на ту эпоху, когда Чернов выходил на арену больших идеологических и политических битв.

Русское революционное народничество, получившее свое боевое крещение в битвах 1870-х г.г. после разгрома "Народной Воли" вошло в полосу жестокого идеиного кризиса. Для этого народничества с самых первых его шагов на общественно-политической арене, со времен Добролюбова и Чернышевского, определяющую роль играло сочетание двух основных элементов: с одной стороны, в отношении положительного идеала всё народничество было западническим, т. е. не выдумывало никаких собственных идеалов для России, а субъективно полностью становилось в ряды общего социалистического движения Запада; с другой стороны, в вопросе о путях движения к этому идеалу равным образом всё народничество было самобытническим, и все его фракции, как бы они ни расходились в других вопросах, были объединены общностью веры в возможность для России, опираясь на общинные и артельные начала, развивавшиеся в ее деревне, миновать стадию капиталистического развития и прийти к социализму своими особыми путями, более короткими и прямыми, чем пути Запада.

Только сочетание этих двух основных элементов, - принятие социалистического идеала Запада и вера в собственные, самобытнические пути к нему для России, - и создало то общественное явление, которое вошло в историю под именем революционного народничества.

Тенденции развития России, как они определились к началу 1890-х г.г., положили конец этой старой "двуединой" вере народничества. Было бесполезным продолжать спор о том, может или нет Россия миновать капиталистическую fazu развития. Капитализм уже пришел в ее действительность, уже стал фактом, определяющим пути развития. Отсюда - "кризис народничества" конца XIX века, когда многим казалось, что его "лебединая песня уж спета".

Эти прогнозы оказались неверными. Хоронить {9} народничество было еще рано. Наоборот, оно шло навстречу периоду блестящего расцвета, связанного с эпохой 1905 г. - и этот расцвет неразрывно связан с именем В. М. Чернова. На первом съезде партии с.-р., в январе 1906 года, его председатель И. А. Рубанович, подводя итог работе съезда по принятию программы, говорил о Чернове, как о "молодом гиганте", который вынес на своих плечах весь труд по разработке этой программы. Пересматривая глазами историка факты прошлого, мы должны признать, что в этих словах не было преувеличения. Скорее можно говорить об обратном: Чернов вынес не только труд разработки программы, - он наложил вообще настолько сильную печать своей индивидуальности на всю идеологию народничества начала XX века, что весь этот период в истории последнего вообще следует называть "черновским".

Чернов омолодил народничество, - и это омоложенное народничество начала

XX века заметно отличалось от народничества 1870-х г.г., причем основные линии изменений шли в направлении снижения роли самобытнических настроений, в направлении сближения народнической идеологии с идеологией европейского социализма.

В народничество Чернов вообще с самого начала пришел, как продолжатель западнической социалистической традиции великих основоположников этого движения. Попытки оборвать эту традицию, которых было немало со стороны всевозможных "попутчиков" революционного народничества, всегда встречали с его стороны решительный отпор. Он сам всю жизнь работал над углублением и расширением этих традиций, и совсем не случайно его первая попытка обоснования народнической программы, как он сам рассказал в своих воспоминаниях, была подбором цитат из западных социалистов, в том числе из Маркса, Энгельса и Бебеля, мысли которых он противополагал мыслям русских марксистов. Для него уже тогда, в середине 1890-х г., было важно установить принадлежность идеологии революционного народничества к социалистическому лагерю.

Закрепление и развитие этой западнической традиции Чернову было особенно дорого потому, что лишь на этой позиции становилась внутренне цельной та основная борьба, которую он вел всю жизнь в литературе и в жизни, борьба, {10} которую правильнее всего будет определить как борьбу за признание крестьянинов равноправным с рабочим партнером в деле построения социализма.

"Самобытнические" мотивы в их чистом виде для Чернова при этом играли совсем второстепенную роль. Речь для него шла не о русском только крестьянине (хотя, конечно, он думал, опираясь, прежде всего на факты российской действительности), и дело было не в том, что русский крестьянин обладает какими-то особыми чудодейственными свойствами (хотя русского крестьянина Чернов и очень хорошо знал, и очень высоко ценил), - а в том, что "трудовой крестьянин" вообще, по своему положению в современном обществе ("крестьянин, как экономическая категория"), самой логикой объективного развития необходимо приводится в лагерь социалистического движения.

Борьбу за социалистические права именно этого "трудового крестьянина" Чернов начал в полном смысле слова с первых же своих шагов на общественно-политической арене. Передо мною сейчас лежит рукопись его старой, не увидевшей света статьи, - его первой большой статьи, написанной им еще в тюрьме, зимой 1894-95 г. в ответ на "Критические заметки" Струве: "Философские изъяны доктрины "экономического материализма". В этой статье многое от настроений еще "доисторического Чернова", - Чернова саратовских и дерптских кружков начала 1890-х г.г., когда он еще не вполне "нашел себя". Настоящее его "самопределение" пришло несколько позднее, заграницей, когда он с головой окунулся в литературу международного социализма. Но и в этой старой статье явственно звучит этот основной мотив.

"Мы не отвергаем теорию классовой борьбы, - писал тогда 21-летний Чернов, - мы полагаем только, что в основание деления общества на классы должен быть положен какой-нибудь более широкий социологический принцип, чем экономическая расчётливость".

Для "русских учеников Маркса", против которых были направлены эти строчки, речь шла, конечно, не об "экономической расчётливости". Этот термин, выбранный Черновым явно по мотивам цензурного характера, не принадлежал

к числу удачных, - и Чернов, кажется, никогда не употреблял его позднее. Но мысль Чернова ясна: он уже тогда вел борьбу {11} против концепции, относившей крестьян к другому социальному классу, чем рабочих, - уже тогда искал такого определения понятия "класс", которое объединяло бы крестьянина с рабочим, а не противопоставляло их друг другу. Иными словами, он искал теоретического обоснования для практики союза рабочих и крестьян.

Первые шаги в области этой практики Чернов начал делать немедленно же по выходе из тюрьмы. Поселенный в Тамбове в качестве состоящего под гласным надзором полиции, Чернов там стал пионером в деле пропаганды среди крестьян и создал первое "крестьянское братство", тип организации, из которой выросли все "крестьянские союзы" эпохи революции 1905 г. (устав этого "братства" был издан "Аграрно-социалистической Лигой", основанной в 1899 г. заграницей по инициативе Чернова).

Необходимо указать, что этот тип организации, который на первый взгляд производит впечатление большой самобытности, в действительности был выработан под большим влиянием того же Запада, а именно под влиянием движения сельскохозяйственных рабочих в Италии (см. тогдашнюю брошюру Чернова: "Горемыки благодатного острова", о движении с.-х. рабочих в Сицилии). Практика у Чернова в этой области шла нога в ногу с теорией, и будущий историк не сможет не признать, что тип организации, намеченный им в порядке умелого сочетания опыта западно-европейского и русского, оказался хорошо приспособленным к потребностям нарождавшегося социалистического движения русского крестьянства. Едва ли будет большим преувеличением, если я скажу, что через эти черновские крестьянские братства в период первых лет XX века прошла значительная часть нарождавшейся крестьянской интеллигенции. Опыт всех выборов, включая выборы в Учредительное Собрание 1917 г., давал убедительные тому подтверждения...

Европеизация народничества, обновление его идеологии и практики элементами, взятыми из идеологии и практики международного социализма, таково было содержание деятельности Чернова. Но отмечая эту сторону его деятельности, выдвигая на первый план ее значение, необходимо с тем большей настойчивостью подчеркнуть, что Чернов не просто переводил на русский язык европейские формулировки, не просто европеизировал теорию и практику российского {12} народничества XX века. Он "русифицировал" европейские идеи, пропуская их сквозь призму того, что он считал основой русского народничества, сквозь призму концепции "борьбы за индивидуальность", которая в 1870-х гг. была основной идеей молодого Михайловского и которая, как рассказал Чернов в своих "Записках социалиста-революционера", с юных лет пленяла последнего "своей эстетической симметричностью и широтой размаха". Эта концепция взаимоотношений между личностью и коллективом стала в полном смысле слова путеводной звездой для Чернова, который из идейной сокровищницы западного социализма брал только то, что помогало закреплять и расширять эту "душу живую" старого революционного народничества.

Европеизация народничества играла большую роль в идеологических исканиях Чернова, - но она для него была не самоцелью. Перечитывая теперь его работы, становится ясным, что перед ним уже давно маячила многое более заманчивая, многое более далекая перспектива: он мечтал о построении новой, внут-

ренне целостной концепции социализма, в которой достижения народнической мысли в эпоху ее расцвета были бы синтетически сплавлены с результатами и систематических поисков теоретиков, и неустанной кропотливой работы практиков социалистического движения Запада...

Он превосходно понимал сложную трудность этой темы, - и подходил к ней с большой осторожностью, с разных сторон, как будто нащупывая почву и сам себя проверяя. В этих попытках будет полезно разобраться будущему историку народнической мысли: тогда станет ясным, что многое, казавшееся случайным наблюдателям почти беспорядочным перескакиванием Чернова с одной частной темы на другую, в действительности было внутренне связано, если не единным планом, то, во всяком случае, поисками такого плана: сложность основной темы, поисков синтеза между потребностями построения социалистического коллектива и создания условий, при которых возможно создание "целостного человека", требовала ее проверки на темах частных, обязывала к экскурсам в области, кажущиеся на первый взгляд совсем далекими от основной темы...

В плотную за работу над этой темой Чернов смог приняться только после революции, во второй эмиграции, {13} которая началась с конца 1920 г. На этот раз трактовку темы пришлось, конечно, усложнить введением критического разбора не только старых теоретических построений, но и анализа результатов практических экспериментов как в Европе первых лет после Версалья, так и в СССР. Он считал, что мир вступает в новый период истории социализма, который он, в отличие от предыдущих периодов утопического и научного, определял, как конструктивный. Это название, - "конструктивный социализм", - Чернов дал и своей большой работе, написанной им на эту тему. Первый том ее появился четверть века тому назад, - он весь был посвящен вопросам, как писал Чернов, "социализма индустриального". По плану, за первым томом должен был последовать второй, который должен был трактовать аграрную проблему и проблему мировую социальную. Этот том был закончен, - в результате очень большой работы. Но света он не увидел, - и есть все основания опасаться, что и не увидит: его рукопись, вместе со всеми остальными бумагами Чернова, погибла в годы обвала вызванного гитлеровской агрессией...

Это был крайне тяжелый удар для автора. Если не ошибаюсь, этот труд был бы вообще первой цельной работой русского социалиста, охватывающего основную проблематику общей теории социализма: несмотря на почти повальное "принятие" социализма русской интеллигенцией конца прошлого и начала нынешнего столетий, изучением большой теории социализма мы почти не занимались... Задача ликвидации старого строя настолько властно господствовала над нашим сознанием, что большая проблематика социализма нас почти не интересовала. Чернов в России в этом отношении был в полном смысле слова пионером (только в некоторых пунктах к этой проблематике подходил еще едва ли не один только А. А. Богданов-Малиновский), - тем больший интерес представляет эта работа, даже в том незаконченном виде, в каком она до нас дошла.

"Конструктивный социализм" показывает Чернова убежденным сторонником эволюционного социализма, признающим возможность построения социалистического общества только методами демократии. Практика большевистской революции, конечно, не могла не оказать огромного влияния на Чернова, не могла не заострить его отрицательного отношения к {14} диктаториальным методам